

Ева Шилова

**Никаких
фамильяров!**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Шилова

Никаких фамильяров!

«Автор»

2026

Шилова Е. В.

Никаких фамилъяров! / Е. В. Шилова — «Автор», 2026

Жизнь бывает обыкновенной и... пресной. А бывает с добавкой щепотки магии, которая, как правильно подобранная поваром приправа, как раз и придает ей вкус и остроту.

© Шилова Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 января 2016 года	5
1 января 2018 года	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ева Шилова

Никаких фамильяров!

1 января 2016 года

*Если вы уходите и вас никто не зовет обратно,
вы идете в верном направлении.*

Джим Керри

Твою мать.

Именно так начинался роман очень талантливой детективщицы Виктории Платовой. Вера еще тогда подумала, эх автор круто заворачивает, в смысле прямо так сразу и твою мать. Впоследствии выяснилось, что героиня имела полное право и так подумать, и так высказаться. А вот теперь наступила ее очередь незлым тихим словом поминать чью-то родительницу.

А ведь начиналось все так славно, их третья группа собралась в 219 комнате общаги у сестер Фирсовых отпраздновать наступающий Новый год... И закусочка с утра наготовили, и торт испекли, и индюка заранее в духовку запихали, чтоб уж точно никто от голода не помер. И уже в десять вечера всем составом подняли первый тост за уходящий год не то Козы, не то Овцы. И ни о чем, кроме смены года так никто и не вспомнил.

Эх, как же не повезло тем, чей день рожденья выпал на праздник, всегда считала Вера. Вот о празднике все помнят, а о твоей дате – только самые близкие. Если они у тебя есть. И если ты для них хоть что-то значишь. И ладно бы, если бы день рождения приходился на 31 декабря, тут еще есть шанс, что тебя поздравят пока при памяти. А вот тем, у кого как у нее, он выпал на 1 января, намного хуже: в этот день вокруг либо сонные, либо страдающие послепьянственные рожи, мечтающие попить водички или опохмелиться, а твой день рожденья им побоку...

А если открыв глаза в свой январский день рожденья ты сама лицезришь мохнатое... неизвестно что, меланхолично жрущее мандарин вместе с кожурой, это повод задуматься – а не пора ли вызывать крепких мальчиков, у которых есть такая милая рубашечка с удлиненными рукавами. А если это самое неизвестно что еще и приносит тебе свои поздравления с совершеннолетием, тебе прямая дорога в дурку.

Твою мать.

«Ночь в окне белым-бела! Это я к тебе пришла – твоя белочка!» – запело где-то на задворках сознания голосом Кортнева. Вроде и выпила-то всего ничего – пару бокалов шампанского, а поди ж ты, как кроет... едет крыша нашей юрты однозначно не туда.

Моргания глазами ни к чему ни привели, неопознанная мохнатенция продолжала нагло сидеть напротив и активно наворачивать нечищеную фруктину. Нацелив на лохматое неизвестно что указательный палец, Вера твердо припечатала его определением:

– Глюк!

И, подумав, не менее твердо потребовала:

– Изыди!

Глюк, поганец эдакий, изойти и не подумал. Бывают же настолько настырные особи не только среди людей, но и среди видений. Наоборот, он устроился поудобнее, обвил нижние конечности аномально пушистым хвостом и сообщил:

– Ну, давай знакомиться, подопечная. Я твой фамильяр.

Фамильяр, ага. «Юркий ласковый зверек, не лисичка, не хорек – просто белочка! Твоя белочка! Супербелочка!» – звучащий в голове голос фронтмена группы «Несчастный случай» даже и не думал униматься. Наоборот, приобрел дополнительные обертона и громкость, как

набатов стуча изнутри и без того болевшей головушки. Нет, ее точно ждут на Кузнецова в доме 2 люди в белых халатах, психушник, он ведь, поди, и в праздники не закрывается. Так, стоп, какое к чертям закрытие, в дни массовой алкогольной интоксикации он наверняка работает еще и с повышенной нагрузкой! Вот и ее с чудящимся мохнатином примут нынче под белы рученьки добрые дяденьки... нет, дальше лучше не думать.

– Вениамин, – церемонно представилась лохматенция.

Веник, значить. Фамильяр цельный на ее голову нарисовался. Кстати... а ведь что-то такое она про фамильяров читала... или смотрела? Они вроде как духи-помощники... или прислужники? Могут, помнится ей, и по хозяйству шуршать, и со всякими бытовыми проблемами управляться, и даже подколдовывать. И, между прочим, заводятся они именно что у ведьм. Какой четко структурированный у нее бред, однако. Ведьма с... пусть будет Чебурашкой. Условным. И это при том, что по всем канонам приличной ведьме положен черный кот! А не вот это, которое. Районный психиатр будет в восторге. Впрочем, тут же критично подумала Вера, а с чего она взяла, что для специалиста по отклонениям ее видения могут оказаться настолько интересны и своеобразны? Ну..., по крайней мере, не стандартный Христос. И не навязший в зубах Сатана. И не приглянувшийся уйме психопатов Элвис Пресли. И уж всяко не набившие оскомину вульгарные Наполеоны с пошлыми Александрями Македонскими!

И не так уж четко ее бред структурирован, если вместо классического предложения помощи это..., которое собеседник, пытается представиться ее опекуном. Иначе откуда в его речи взялось определение «подопечная»? Непорядок! Надо разъяснить! И пусть этот... Веник уже расставит все точки на ё, ну, интересно же, какая именно бредятина укоренилась у нее в мозгу, и почему с такими необычными, понимаешь, отступлениями от стандартного варианта. Хоть повеселится малость перед тем, как идти сдаваться заботливым и наверняка нетрезвым санитарам.

Вера протянула руку и подергала нечто за пушистый хвост. Не успев удивиться тому факту, что под пальцами действительно ощущается мягкая шерстка, то есть галлюцинация сложная и местами даже материальная... или тактильная? как собеседник аж взвизгнул:

– Не смей трогать хвост!

Ишь ты, еще и покрикивает, изумилась Вера, вот же наглое порождение моей собственной нетрезвой фантазии. И борясь с желанием прикрыть глаза и снова заснуть, решительно потребовала:

– Либо сгинь, либо по-человечески объясни, что происходит! И с чего вдруг у меня начались глюки.

– Нет у тебя никаких глюков, – угрюмо буркнуло лохматое непонятно что. – А я действительно приставленный к тебе фамильяр.

– Фамильяр – это кот. «Это классика», – назидательно сообщила Вера. – А ты... ты вообще кто?

– Саки, – огрызнулось мохнатое... ну, наверное, собеседнико.

И что бы это могло быть?

– Надеюсь, название не имеет прямого отношения к твоему образу поведения? – озабоченно поинтересовалась Вера. Поскольку ползать с тряпкой и убирать за ним лужи, пусть и виртуальные, ей как-то не хотелось.

– Совсем дура?! – обиженно взвыло это... саки. – В гугле посмотри!

А... ну, логично. И что именно посредством копания в телефоне нам хочет сказать на сей счет вездесущий Интернет? А он сказал, что то, что перед ней появилось, действительно называется саки. А конкретнее – белоголовый саки. А еще питецин или лисьехвостая или чёртова обезьяна. А водятся они... ух ты, аж в Южной Америке. Так чего его сюда, за уральский хребет принесло? Не иначе, как разлучили его с родной пальмой, так проблемы у скотинки и посыпались... которые он, по ходу, желает спихнуть на нее.

И нефиг, кстати, ее обзывать! Рыкнув на мохнатика, чтоб захлопнул варежку, Вера задумалась. Епидрызь какая-то получалась, в натуре. Вроде в случае видений должно появляться нечто известное тебе и знакомое? А эту обезьяну... то есть обезьяна, который с ней беседует, она до этого никогда не видела, ни живьем, ни на картинках, так откуда оно могло взяться в ее бреду? Да еще и шерсть под пальцами при попытке его ощупать ощущалась как вполне себе материальная и похожая на настоящую...

А, кстати, что там про фамильяров написано? Так..., «фамильяр (англ. *familiar*, фр. *familier*) – волшебный териоморфный дух, согласно западноевропейским поверьям, служивший ведьмам, колдунам и другим, практикующим магию. Обладал разумом на уровне обычного человека, имел собственное имя и чаще всего принимал форму животного».

Угу. Ну вот тебе животное, которое явно обладает разумом, говорит, имеет собственное имя и даже называет себя твоим фамильяром. Если верить ему, то ты теперь, то есть изначально, по природе своей, ведьма? Пусть и в рамках собственного воспаленного воображения? И с твердым намерением прояснить этот момент Вера приступила к допросу:

– Давай, колись, а я что, получаюсь ведьма?

– Не получаешься! – с явным удовольствием злорадно вякнул этот... Веник.

– Как так?! А вот тут же написано, что фамильяр служит ведьмам и колдунам, а раз уж я ни разу не колдун, то...

– А читать надо внимательней! – свежееобретенному фамильяру явно доставляло удовольствие говорить своей, вроде как хозяйке, гадости. – Там еще написано «...и другим, практикующим магию»! Так что с ведьмачеством – облом! Равно как и с колдунством.

А чего это оно такое довольное? А если опять за хвост?! Но сначала...

– Зато там написано, что кем бы хозяин не был, фамильяр ему обязан служить! Вот и начинай выполнять свою прямую обязанность и служи, а не заедайся! И, кстати... кто такие эти «другие, практикующие магию»?

– Я тебе не слуга! – буквально взвыл обезьян. – Фамильяр в данном случае наиболее близко подходящее к вашим куцым понятиям определение помощника, наставника и опекуна в одном лице!

Какое такое одно лицо при такой-то страховитой морде? И почему наши понятия куцые? И почему вообще понятия наши? Есть еще чьи-то? Чьи? Этих, которые «другие, практикующие магию»?

– То есть я теперь могу «практиковать магию»?

– Не так, в лобовую, – поморщился обезьян, – в данном случае магия – это тоже эвфемизм. Просто ты, как и некоторые другие индивидуумы, можешь несколько больше обычного человека.

– Это в смысле, как у Лукьяненко? Мы – Иные?

– Вы – такие же! – злобно ответил обезьян. – Вы обыкновенные! Просто у Вас есть некоторые... ну, способности, что ли, развитые больше, чем у подавляющего большинства людей.

– Какие именно?

– Так это... у кого какие. Тебя ж не удивляет существование гениальных, например, пианистов? Или талантливых художников? Или выдающихся скульпторов? Или врачей, что называется, «от Бога»? Почему-то это воспринимается всеми как факт! Даже не так, как норма! А вот наличие вокруг идиотов и недоумков, наоборот, периодически невероятно раздражает, что, не так?!

Ну... так. Только это пока не объясняет каким боком она вписывается в этот разряд гениальных и талантливых. Хотя само предположение о ее принадлежности к ним уже звучит на редкость приятно для самолюбия.

– А у меня какая маг... какие способности?

– Да вот те самые, на которые ты в своем механико-технологическом техникуме обучаешься! Ты талантлива в области кулинарии. Никогда не замечала, что при тех же исходниках ты всегда готовишь более вкусное блюдо, чем другие?

Даже если и так... Как вообще можно измерить степень таланта? По каким критериям? В каких единицах? И одна она, что ли в своем техникуме такая талантливая и подающая надежды? Не одна. Но этот мохнатик сейчас сидит именно напротив нее и куда-то ее старательно вербует и заманивает. Надо выяснить, кому и зачем она понадобилась. И только ли она.

– И кому мои таланты могут пригодиться?

– Да всем, кто любит вкусно пожрать!

Судя по раздраженному тону, обезьян явно был недоволен тупостью собеседницы. Вера опять задумалась. Ну, допустим. Допустим, что этот Веник не врет. Бред ее, однако, чем дальше, тем больше усложнялся. И подкреплялся деталями. И глюк на ощупь ощущался настоящим, только... можно ли в это поверить? В то, что все это ей не кажется, а так оно и есть? И, наконец, вычленила главное.

– А с какого перепугу ты, который типа помощник и опекун, вдруг у меня образовался?

Обезьян явственно поморщился и нехотя объяснил:

– Ты, хоть и талантливая, но одиночка. Если у подавляющего большинства остальных способных есть не менее способные родители... или еще какие родственники, которые помогают им не загнуться, а успешно развивать свои таланты, то у тебя таких нет и не предвидится. Поэтому прислали меня на помощь.

Это типа благотворительность? Да шаз-сс! А ведь темнишь ты, скотина! Помощничек-то из тебя мутноватый! И зачем ты еще и об опекунстве заикнулся?

– Это понятно, я о другом спрашиваю! Кто конкретно эти «все», кто внезапно разглядел мои способности и решил меня облагодетельствовать тобою? Что именно ты можешь для меня полезного сделать? И как именно мне придется потом с тобой и с ними расплачиваться?

Под вериным суровым взглядом практичной девушки фамильяр как-то заерзал и нехотя объяснил, что умные люди с выдающимися способностями давно не пытаются противостоять окружающему миру в одиночку, а стараются договариваться о поддержке, взаимопомощи и мирном разделе сфер влияния..., короче, существует некое сообщество... или содружество, талантливые члены которого скрытно помогают друг другу в той или иной форме.

Приплыли, ее на голубом глазу вербуют в какое-то тайное общество. Как у масонов, что ли? Или у этих, как их там... иллюминатов, что ли? Или розенкрейцеров? Главное, чтоб не в секту какую... откуда потом хрен вырвешься...

– И в чем будет выражаться помощь мне в виде тебя?

– Считаю, что ты получила наставника, который не даст тебе сбиться с пути истинного и доведет тебя до вершин развития таланта!

Ёлки-метёлки, а оно, случаем, спичрайтером у кого-нибудь из особо одиозных политиков не подрабатывает? Фразочка-то как отрывок из пафосной предвыборной речи звучит!

– А конкретней? И почему именно сегодня?

– Не сегодня, – огорошил ее обезьян. – Я и раньше был рядом... просто момент, когда можно опекаемого ставить в известность о себе, ну, не считая совсем уж опасных для жизни ситуаций..., наступил вместе с твоим совершеннолетием. Когда у тебя появились не только дополнительные обязанности, но и права.

– Что значит, и раньше был рядом? Ты... что... за мной подглядывал?

– Дура! Нужна ты мне, чтоб на твои тощие прелести любоваться! Я тебя оберегал! Забыла, как сумела вывернуться из-под грузовика год назад? Как не успела на встречу летом к месту аварии при строительстве вашего метрополитена? А как позавчера почти под Новый год не попала под падающую сосульку?! И кто тебя сегодня утащил в твою комнату, не позволив Петрунину поближе познакомиться с твоим богатым внутренним миром в трусах?!

Вот, Егорка, вот сволочь! Хотя клинья он к ней давно подбивал... Хм..., а насчет остального, по поводу избежания неприятностей... все это точно заслуга его Пушистости? Или он просто таким образом пытается поднять собственную значимость в ее глазах? И, кстати, чего это он язык распустил?

– Сам дурак!

И крепкий верин кулачок четко врезался в район носа хамящей скотины. Поскольку, поживешь в Курчатовском районе – научишься сначала морду чистить, а только потом выяснять было ли за что. В данном случае явно было за что. За несвоевременное и неверное обращение к собеседнице.

– Да ты...! – захрипел отлетевший к стене лохматик.

– Еще раз посмеешь меня обзывать, паскуда невнятная, – предупредила Вера, – вообще тушку за окно выкину!

Поскольку к этому моменту она конкретно озверела. И без того и Новый год, и день рождения получились какими-то скомканными, голова продолжала болеть как с дикого похмелья, так если еще и всякая приبلудная живность начнет ее не по делу оскорблять, у живности появится шикарный шанс выяснить, что бывает, когда она в ярости. А вот кстати... если эта образаина утверждает, что она давно ошиивается вокруг нее, то она должна точно знать, что злить Веру не по делу не следует. А зачем он тогда рискует? С какой целью нарывается?

Только если... оно пытается с первых минут общения поставить ее в зависимое и подчиненное положение. А вот этого не будет..., значит что? Значит, вспоминаем все, что на сей счет сохранила память из прочитанных книг ведьминско-фантастического направления. Вспомнилось плохо. Ну, не любила Вера этот жанр. И вытащить из памяти какие-то обрывки информации на счет взаимодействия ведьм и их помощников удалось с трудом. Что-то вроде того, что само существование фамильяра зависит от хозяйки, и он должен ее поддерживать, защищать и подпитывать магическим резервом. И не может впрямую ей соврать. Зато может о чем-то важном умолчать... чем эта скотина, похоже, и намерена воспользоваться. Ну это хрен ему по всему рылу, сейчас он у нее все расскажет!

И даже любимый кастет доставать из тумбочки не понадобится.

И Вера сделала то специальное выражение лица, с которым она обычно подходила с ножом к туше на практикуме по обвалке мяса. Проняло даже обезьяна, который начал как-то суетливо оглядываться и, судя по всему, жалеть о самом факте своего появления здесь и сейчас. Правильно, жалея себя, потому что у Веры жалости к этому пушистому манипулятору как не было, так и не появилось.

– Так, – сказала она, стараясь говорить как можно более зловещим голосом, – а вот теперь пришло время поговорить начистоту! Я тебя не звала, ты сам появился и начал навязывать свои услуги в хамской форме. Либо я услышу правду, кому и зачем я нужна, либо вали отсюда! Причем быстро!

Обезьян пытался юлить и выкручиваться, но под неумолимыми вериными вопросами вынужден был рассказать правду. Во всяком случае, ее часть. Оказывается, найденное Верой в Интернете определение фамильяра – не полное. Он, Веник, строго говоря, никакая не южно-американская обезьяна, несмотря на свою с ней схожесть. Просто он по своей природе способен принимать разные облики: и животного, и тени, и призрачной сущности, и даже энергетического проявления. Кстати, фамильярами обычно для воплощения выбирается облик кошки, вороны или змеи, в крайнем случае жабы и лисы. А почему ему досталась именно редкая лисье-хвостая обезьяна, он и сам не в курсе. Нет, большую часть времени, сопровождая Веру, он проводит именно в виде бестелесной сущности.

Прямо какой-то «шпион, которого носят с собой», хмыкнула Вера. Интересно, а если попробовать надавить на Веника авторитетом братьев Стругацких и переименовать его в Ятуркенженсирхива, он будет сильно сопротивляться?

Сильно. Пушистик чуть плевать не начал, объясняя, что у него красивое собственное имя и совершенно незачем его менять на ананим строчки из Пушкина. «Прошаренный чувак!» – мысленно хмыкнула Вера. Мысленно, потому что объяснять ему, что все это делалось для запугивания и склонения его согласиться с последующим названием его Веником, она не собиралась. По ее мнению, громоздкое Вениамин для этой животинки было слишком жирно. А вот Веник – в самый раз! И напуганный перспективой превратиться в Ятуркен... и так далее, обезьян обреченно согласился на укороченный вариант своего имени.

Кста-ати! А откуда у него вдруг взялось собственное имя? Ну-ка, ну-ка, расскажи! Вот тут Веник прямо оправдал еще одно наименование того животного, в которого ему удавалось воплотиться – бледный саки. То есть взбледнул и попытался отмолчаться. Попытка не удалась, Вера все-таки «вынула» из него признание, что это и есть его прошлое человеческое имя. А почему он сейчас вот такой? А потому что в этом состоянии он отбывает наказание! Спрашивать за что, Вера не стала. Уж если она «про такие наказания не слышала», то, скорее всего, она и «про такие преступления не слышала». И лучше ей об этом никогда не слышать и не знать. Но кто-то же должен был его за что-то ушучить и определить ему такую неоднозначную меру наказания? Кто?

– Совет, – зло припечатал Веник. – Я должен доказать, что имею право называться полезным членом общества.

– И для этого...?

– И для этого меня откомандировали сюда, чтоб я оказывал тебе помощь и поддержку.

О как, помощь и поддержку, а не командование. И не срыв на перманентное хамство. А то, понимаешь встал в позу мачо, мол, «все и всегда буду решать я сам, на том простом основании, что я мужчина»! А ты не мужчина. Ты бестелесное нечто, периодически воплощающееся в нечто волосатое. Ты вон вашему Совету еще доказать свою полезность должен! Ей, кстати, тоже. А если не справишься?

– А что будет, если ты не оправдаешь оказанное тебе Советом «високое даверие»?

– Что будет... развоплощение без права последующего существования.

– А если ты не оправдаешь оказанное тебе мною доверие?

– Ну-у... то же самое.

– И как мне следует облечь в слова свое тобою недовольство? Ну, если что...

Вот тут Веник окончательно сник и нехотя озвучил как он выразился «стандартную формулу отречения» от фамильяра. А Вера снова крепко призадумалась. Это что же получается? Есть некоторое количество людей, решивших организовать некое сообщество, «танцующее» от наличия у них талантов, схожих или просто потенциально полезных по жизни. Пока все понятно. Есть у них проверенная временем методика воспитания талантливых детишек внутри семей, ну так династии врачей, актеров и много еще кого никто не отменял. Наряду с домашним воспитанием, существует, получается и программа призрения способных одиночек. Принимается. Но многое, очень многое все равно остается необъяснимым.

Как и чем все-таки определяется для способных людей вот эта самая степень таланта? И в чем она по итогу выражается?

Кто именно и по каким признакам выделил ее из остальных учащихся и даже взял на себя труд настучать о ней руководству сообщества?

Какова это степень таланта у нее, что ее не обошли вниманием, а даже пытаются навязать надсмотрщика под видом заботы и опеки? С какого, собственно, момента Веник за ней «приглядывает», говоря, что «и раньше был рядом»?

Почему для одиночек (во всяком случае в ее лице!) и прочих сироток сообществом выделяются для присмотра такие неоднозначные существа вроде Веника? У них настолько много так специфически наказанных? Или кто-то из них сам просится понаблюдать во искупление вины?

Как вообще уложить в мозгу существа двадцать первого века возможность периодического существования человека то животным, то духом, то тенью, то сущностью? И куда девается на это время его физическое тело?

На что имеет право этот самый Совет, о котором Веник говорит с таким страхом? Откуда у них такие технологии, чтоб осуществить разделение разума и того самого тела? И, главное, раз уж Веника они приставили к ней, **что** именно члены Совета однажды потребуют от нее взамен на оказанную ими помощь? А они как пить дать потребуют, это не обсуждается.

Вопросы, сплошные вопросы... и пока кроме Веника ни одного источника информации. Сумеет ли он в полной мере удовлетворить ее интерес? Или постарается увести ее от опасной темы, а то и просто отмолчаться? Потому что далеко не все ответы можно получить, не рискуя при этом завязнуть всеми лапками в чужих тайнах...

А того, кто знает твои секреты, никто не любит. Потому что он может однажды их выдать, случайно ли, по глупости ли, или от обиды, или из вредности, тебе это уже будет не столь важно. А важно будет то, что нечто, что считалось скрытым, оказалось внезапно выставленным на всеобщее рассмотрение и осуждение. Голое и незащищенное. Приятного, как ни крути, мало!

Значит, спросить обезьяна надо, но при этом следует держать в уме, что доверять его ответам полностью нельзя. Зато можно и нужно будет со временем поискать и другие источники необходимых сведений, чтоб не оказаться неподготовленной к тому, что от нее может потребоваться их непонятному сообществу...

Допрошенный Веник как-то невнятно сообщил, что в смысле кулинарного таланта у Веры довольно высокий потенциал, но не смог объяснить, как это определяется с технической точки зрения, только разводил лапками и путанно говорил, что это «видно». И он будет продолжать утверждать, что это не магия? Заодно смог просветить ее на тему кто именно этот потенциал приметил и сдал ее с потрохами: это оказалась старая гримза Калюжная, ее же преподаватель химии в техникуме! Вот же стукачка противная!

А что из этого следует? Во-первых то, что у этой тетki есть какая-то возможность как выразился Веник, «видеть» ту самую степень таланта. А во-вторых, то, что, у неведомого Совета существует целая сеть осведомителей, отыскивающих талантливых одиночек с некой пока не вполне ясной целью. А на широкую ногу у них, однако, процесс «добычи» перспективных кадров поставлен!

Что касается приставления к ним фамильяров, тут тоже, как оказалось, практика была давняя и проверенная временем. Тратить усилия на то, чтобы целого взрослого человека засыпать учить жизни и уму-разуму одного, пусть и перспективного, но пока несовершеннолетнего подростка в каком-нибудь Мухосранске или Скотопригоньевске, как-то глупо. Куда проще приставить к нему вот такое провинившееся или просто зарабатывающее дополнительные очки в глазах Совета существо, которое легко переместится в самую глушь, не потребует денег на свое проживание и содержание, и до поры до времени приглядит за подрастающим гением от кулинарии.

Ах, не только от кулинарии! Говоришь, такие надзиратели есть и у многообещающих музыкантов, и у будущих художников, и у талантливых студентов медвуза, да много у кого! Так-то оно логично, прикинула Вера, с одной стороны, не гонять же зазря человек по всей стране, если можно обойтись такими вот... помоганцами. А с другой стороны, если своевременно слегка помочь перспективным ребятишкам, приставив незримого помощника, есть шанс на их пролонгированную благодарность. Гонорары у известных музыкантов, скульпторов, художников могут оказаться не маленькими! Опять же, пользоваться услугами не просто талантливого, а преданного тебе врача, куда безопаснее. И прикормленный повар – тоже вполне себе неплохой «актив». И накормит вкусно, и не потравит чем несвежим...

Зато из его объяснений можно было сделать некоторые выводы о сроках его «пригляда» за ней: если его приставили к ней после доклада Калюжной, значит произошло это не раньше

осени 2013 года, после ее поступления в техникум, с одной стороны, и не позднее января 2015 года, когда ее чуть не размазал по пешеходному переходу бухой в пастилу водитель рефрижераторного фургона, с другой...

Интересно, а Веник сам выбрал ее в качестве объекта «пригляда», или это была чья-то инициатива? Сам! Ему сейчас кровь из носу, дым из глаз нужно доказать Совету свою полезность, вот он и вызвался. А вот тоже интересно, с его Мохнатейшеством только она общаться может или те, другие, которые его и других на «приглядную» службу склоняли, тоже могут...? Нет, помотал головой Веник, с момента привязки к ней, его даже в проявленном виде кроме нее никто не видит и не слышит.

А она, получается, теперь постоянно будет его и видеть, и слышать? Да, потому что неизвестно, когда именно он может понадобится. Правильно она его определила как «шпиона, которого носят с собой». От которого не отделаться. И шпионить он будет в первую очередь для каких-то внешних людей, одна радость, что рассказать им о ней не сможет ничего... если он, конечно, не врет... А мысли он не читает? Нет? А то слишком уж осведомленным выглядит...

Айн момент, а как именно его к ней привязывали и почему без ее согласия? Есть способы, туманно пояснил Веник, в которых он толком не разбирается, а согласия не спросили, потому что речь шла исключительно о защите, или ей не понравилось быть после его вмешательства быть живой, здоровой, не изнасилованной? Ну... некая логика в этом прослеживается...

А что у него насчет тактильных с ней контактов? Сможет он от нее отвести, например, чужой удар? Опять нет, только ее саму оттолкнуть в нужный момент? Именно так он ее выпихнул из-под мчащегося на нее грузовика. Именно так он ее уволок в свою комнату в общежитии, когда заметил явный интерес Петрунина к ее сомлевшему тельцу. А насколько часто он может делаться осязаемым? Да он бы регулярно становился, но без ее сознательного согласия на подпитку, энергию для воплощения в более-менее материальной форме ему приходится накапливать месяцами... Жаль.

А сейчас почему он ее так бездумно тратит? Потому что, если бы он не показался, то без наглядной демонстрации бесплотный голос в голове был бы воспринят ею однозначно как шиза! Хм, а ведь верно, увидев его, она уже чуть не пошла сдаваться в психушник на Кузнецова...

А, возвращаясь к теме, значит, его основная функция – помощь и советы? Типа того, согласился Веник. А функция отлететь на расстояние, чтоб что-то нужное подслушать и подсмотреть у него не заложена? Это можно, но радиус подобного действия у него сильно ограничен. Каким расстоянием? Около пятидесяти метров, не больше! Немного... Ну, хоть что-то... а ведь в тот момент, когда он улетит «на задание» она останется без постоянного присмотра...

А связь с магическим артефактом у него есть? Судя по вытарашенным глазам Веника, она спросила нечто то ли невозможное, то ли совсем неприличное. Ну... несколько смутилась Вера, объясняя свой интерес, вроде если верить книгам, бывает, что фамильяр появляется после обращения к волшебному предмету. Кольцо, там, зеркало, статуэтка, лампа...

– Я тебе что, джинн? – обезьян от обиды надулся и распушился так, что стал чуть не два раза больше себя в спокойном состоянии.

– Да я так... на всякий случай пытаюсь найти аналогии среди прочитанного хлама... а что такого произошло, раз уж ты решил рассекретиться?

– Говорю же, твое совершеннолетие!

– И как именно факт достижения мною восемнадцати лет повлиял на необходимость твоего «выхода из Сумрака»?

– Во-первых, как я уже говорил, у тебя в связи с совершеннолетием появились определенные права. А во-вторых..., тебе надо отсюда выбираться, а делать это нужно осознанно и методично, не пытаясь метаться в разные стороны.

– Отсюда, это...?

– Ты правильно понимаешь, в этом городе у тебя перспектив нет.

Вера за родной город аж прямо обиделась.

– Между прочим, должна напомнить, это восьмой по численности населения город в России! Знаменитые «ворота в Сибирь», не хухры-мухры!

– Ага, а еще знаменитый «Танкоград», – ехидно напомнил обезьян. – Про здешнюю зело «полезную» экологию, так, между прочим, тоже напомнить?

А... это да, это он по делу подкусил. С учетом количества предприятий тяжелого машиностроения в городском воздухе содержится опасная концентрация сразу нескольких вредных веществ: фторида водорода, диоксида азота, диоксида серы и фенола. Так-то, может и впрямь пора отсюда делать ноги... пока легкие окончательно не засорились... только куда?

Именно этот вопрос Вера ему и задала, поскольку слабо представляла, где ее могут ждать.

– Про возможность перевода в другое учебное заведение слышала? – деловито отозвался фамильяр.

– Слышала... только в нашем городе этот техникум один из лучших, и...

– А теперь напряги мозги и вспомни о том, что есть и другие города!

– И с какого перепугу меня туда переведут?

Фамильяр в раздражении закатил глаза и пробурчал:

– Это не твоя забота, я тебе скажу куда отправлять запрос, нам главное, чтоб программа учебных заведений хоть немного совпадала, а в идеале и направление подготовки.

– И куда вообще можно сунуться?

– Для начала посмотри институты Новосибира.

В Новосибирске нашлось аж целых три подходящих ВУЗа, но практически везде было платное обучение с минимумом бюджетных мест, да и программы, равно как и специальности, резко отличались от вериного места учебы.

– Не пойдет, так, теперь смотри что там по Питеру, – скомандовал Веник, азартно заглядывая вместе с Верой в планшет. В Питере обнаружилось всего два профильных заведения, из которых по зрелом размышлении самым привлекательным показался СПбГТИ – Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет). Здесь программы были существенно ближе к той, по которой училась Вера, и предметов досдавать пришлось бы немного. Опять же иногородним предоставлялось общежитие.

– Ну, и на всякий случай, давай проверим совпадения в столице, – потребовал раздухавшийся фамильяр. Этот запрос Вера набирала подрагивающими пальцами, потому что ей начинало становиться элементарно страшно. Что она делает? Куда она лезет? Кто согласится на ее перевод на бюджетное место в одном из ВУЗов Москвы? Кто прислушается к ее просьбам с подачи мохнатой... может, все-таки галлюцинации? Допрыгается, что сдуру поверит в чудо, а ее тупо пошлют... по известному адресу...

– Ага... угу..., понял, а теперь жмакни вот эту ссылочку, – потребовал уткнувшийся в экран Веник. Вера послушно жмакнула, про себя обмирая от ужаса, потому что быть-то такого не могло! Ибо фамильяр нацелился не куда-нибудь, а сразу на Московский государственный университет прикладной биотехнологии, присоединенный в 2011 году к Московской государственной академии пищевых производств (МГАПП). И сейчас с нехорошим интересом вчитывался в программу очного обучения по укрупненному направлению 19.03.00 «Промышленная экология и биотехнологии».

– Та-ак... что мы имеем... направление подготовки 19.03.04 «Технология продукции и организация общественного питания»... – сосредоточенно бормотал Веник. – В его рамках открыта программа бакалавриата по профилю «Высокая кухня: управление и технологии»..., очное обучение на базе 11 классов... четыре года обучения... есть платные места, есть бюджетные... предоставляется общежитие... обучение под руководством известных шеф-поваров, кондитеров и других экспертов в области высокой кухни... «поделятся секретами мастерства,

раскроют тонкости гастрономических технологий и научат искусству управления ресторанным бизнесом». О, практическая часть обучения включает стажировки в престижных ресторанах и участие в реальных проектах, вау! «Выпускники после обучения смогут управлять лучшими ресторанами, создавать уникальные гастрономические концепции и внедрять инновационные технологии, способные изменить пищевую индустрию». Вот самый подходящий вариант!

Вера ощутила сильное желание побиться головой о стол.

– Ну ты сам-то подумай! Где я, а где они! Они там меня прямо-таки с распростертыми объятьями ждут из моего Челябинского механико-технологического техникума! При том, что моя будущая специальность – 43.02.15 «Поварское и кондитерское дело»!

– Хм... а направление подготовки?

– 43.00.00! Сервис и туризм!

– Зато предметы неплохо совпадают, досдавать разницу будет проще!

– Веник! – простонала выведенная из себя Вера. – Еще раз! Еще один гребаный раз! Кому я там нужна, чтобы колотиться за мой перевод на бюджет, когда даже направление обучения у меня не то! Про специальность я уже молчу...

– А я тебе сказал, что это не твоя забота, я тебе объясню, куда отправлять запрос о переводе, кому надо, все за тебя сделают! Зачетку неси!

Совершенно сбита с толку Вера покорно полезла в тумбочку за зачеткой.

– Челябинская система обучения настолько сурова, – бормотал тем временем Веник, проглядывая верины оценки, – что она учит суровости еще с детского сада... Так, отлично, отлично... даже четверок нет..., зачеты сданы в рамках сессии без опозданий... для начала пересними свои достижения за два с половиной года... с первого листа начни, со своих ФИО с фотографией! А потом перегони в память планшета и перешли по адресу, который я тебе продиктую.

Окончательно обалдевшая Вера покорно делала фото страниц зачетки, переливала снимки в планшет, набирала продиктованный фамильяром адрес электронной почты, отправляла послание и все время мучительно пыталась проснуться. Потому что в то, что она переедет учиться в столицу, ей не верилось, а происходящее казалось сном. И уже отправив послание, она неожиданно сообразила, что неплохо бы выпить кофе, чтоб убедиться в реальности происходящего, потому что во сне же кофе не пьют, правильно? Включенный чайник одобрительно зашумел, насыпанные в кружку сразу три ложки бодрящего напитка одним запахом уже запустили процесс пробуждения, а уж отпив крепкой, хотя и дешевой бурды, Вера почти пришла в себя и даже сумела поинтересоваться как технически будет выглядеть процесс перевода. Веник только плечами пожал:

– Ну, придет подтверждение, отнесешь его в деканат и переведешься ты с третьего курса техникума на первый курс института, плохого-то что? Быстренько пересдашь пару предметов из первой сессии, и вся любовь!

– А ничего, что в техникум я пошла не после 11 класса, как остальные студенты, а после 9-го?

– Так у тебя по дороге всякие ЕГЭ и прочая фигня официально сданы!

Так-то оно так, и все же...

– По-моему, ты тащишь меня в какую-то авантюру...

– Для тебя же стараюсь! Ты должна меня слушать, я в силу должности плохого не посоветую!

– А вот не буду! Та мне кто: папа, мама? Нет? Вот и не возникай!

– Можно подумать ты их много слушаешь...

– Их я вообще не слушаю! И тебя поостерегусь! И, кстати, ты как-то забыл озвучить, кому и что я буду должна за такую мегаплюшку как перевод в Москву?

Веник как-то замялся, но потом решительно объяснил:

– Тебе придется отработать по специальности три года в определенной точке общепита.

По специальности говоришь... три года, говоришь... ну, пока звучит не так страшно, хотя... лучше сразу выяснить детали, потому что дьявол, как известно, ловко прячется именно в них. Хотя и без того понятно, что это самое место работы скорее всего такое, куда нормального повара кроме как силком никак не загонишь...

– И что с этим место не так? Там не платят зарплату? Там будут заставлять готовить из тухлятины? Там предложат подворовывать и ходить под статьей, не забывая поделиться спернутым с благодетелем? Там в мои обязанности будет входить спать с начальством по первому требованию? Или, не дай-то бог, подрабатывать как ниотамори?

– Как кто? – изумился Веник.

– Ты что, с таким никогда не сталкивался? Ну, быть «живым столом» для подачи суши!

– А... э... нет... откуда у тебя вообще такие извращенные представления?! – возмутился он.

У нее, значит, извращенные представления... А это не у нее. Это она перечислила далеко не все «подводные камушки» того, с чем приходится иногда сталкиваться работникам ресторанной индустрии. И лучше сразу все прояснить, прежде чем она даст согласие и автоматически вляпается в дерьмо на три года всеми конечности и начнет потом жалобно блять «Я не знала!» Только ей это уже не поможет...

– Тогда скажи прямо, что там не так! Потому что просто так в действительно «рыбное место» не зовут! А если меня ждет отработка, то хотелось бы понимать на что точно я подписываюсь?

– Это ресторан «с фишкой». Ну, с фирменными блюдами, которые должны готовиться по очень определенной технологии и одними и теми же руками. А если регулярно менять повара даже на простой солянке, так же регулярно будет меняться и вкус блюда, и вся разрекламированная «фишка» пропадет! И клиент уйдет к конкурентам!

Ну, допустим, солянка не самое простое блюдо, но что касается реакции посетителя на смену вкуса... тут он прав, подумала Вера. Если в привычном месте заказать привычное блюдо, а получить по итогу незнамо что, это может заставить клиента мгновенно обидеться. Это даже может раз и навсегда отвести его от посещения подобного заведения с жестокими обломщиками... да еще и знакомых через социальные сети настроить это тошноту игнорировать. Так что трехлетний срок отработки объясним. Не объяснимо другое: откуда у фамильяра такая уверенность, что именно ее готовка сможет стать той самой вкусовой фишкой, способной привлечь платежеспособных клиентов? Что он знает о ней такого, о чем не догадывается она сама? И захочет ли он ей это рассказать? Все ее размышления вылились в короткое:

– Почему я?

– Потому что нынче развелось слишком много поваров, которые мнят о себе невесть что! Пойду к вам, блин, только шефом или су-шефом, а просто работать ручками мы брезгуем!

И Веник возмущенно запыхтел, выражая свое негодование. Зажрались они там, однако, в столице, невесело хмыкнула Вера, но продолжала настаивать на получении объяснения:

– Даже если учесть, что требуется неконфликтный работник на немаленький срок, это все равно не объясняет именно мою... вербовку.

Веник передернул плечами, что смотрелось несколько жутковато, все-таки человеческие жесты в исполнении животного выглядят на редкость неестественно, и нехотя пояснил:

– Ты талантлива. И твоя готовка как раз и может стать той самой «фишкой» сама по себе, привлекая в ресторан солидную платежеспособную публику. А за три года работы потихонечку отобьются вложенные в тебя средства и затраченные усилия по перетаскиванию в Москву.

Знает в чем дело, гаденыш мохнатый, но точнее говорить не хочет, подумала Вера, общими фразами отделяется. Ладно, когда-нибудь появится и конкретный вербовщик, вот

ему-то и придется ей все объяснить, не бесплотная же сущность будет составлять ее будущий контракт..., а пока с темы надо аккуратненько съехать... и сурово предупредила собеседника:

– Но договор я изучу предварительно с лупой в руках!

– Хотя с микроскопом, – благодушно сошурившись согласился фамильяр, явно довольный тем, что сумел получить принципиальное согласие и не нарвался в процессе переговоров на жесткий отказ.

И тут Вера сумела вспомнить, что разговор о переводе был второй причиной «материализации» Веника.

– А что ты имел в виду, говоря, что у меня в связи с совершеннолетием появились определенные права?

– А, это... – фамильяр аж скривил мохнатую мордочку. – Тебе, как совершеннолетней, придется заняться срочным переоформлением документов.

– Господи, каких?!

– На вашу с матерью квартиру.

– А... зачем?

– Чтоб не оказаться вообще без места жительства.

– А почему я должна без него оказаться?

– Потому что твой отчим давно на такой лакомый кусок зубки точит. И если лишить места проживания несовершеннолетнюю он не мог по закону, то теперь он с твоей матерью постарается продать вашу квартиру. Полученных от этого денег на пропой души им надолго хватит!

Вера помрачнела. Если в ее жизни и была темная полоса, то началась она аккурат после смерти бабули. Страшное лето 2010 года, когда аномальная жара в районе сорока градусов сопровождалась сильными ветрами и песчаными бурями, привело к тому, что бабушка Зина заработала тепловой удар, после которого у нее начались проблемы с сердцем. А с подорванным здоровьем долго не живут. Нет, бабуля сначала еще пыталась бодриться, но уже к началу зимы стало понятно, что она не жилец. И вместо празднования ее тринадцатого дня рождения они с матерью в январе 2011 мотались по официальным учреждениям, регистрирующим факт смерти и готовились к похоронам и поминкам.

Но это было не самым страшным. Самым страшным стало то, что после бабулиных похорон из ее матери как будто вынули некий стержень и она перестала адекватно реагировать на происходящее вокруг. Не отвечала на заданные вопросы, ничего не спрашивала сама. Периодически она застывала в одной позе и могла неподвижно просидеть так несколько часов.

Робот. Обыкновенная механическая поделка, у которой внезапно отказала добрая половина функций. Нет, она продолжала спать, есть и даже ходить на работу, но... практически забросила домашние обязанности по покупке продуктов, приготовлению еды, стрике и уборке. Зато в качестве лекарства выбрала водку. И понеслось.

Нет, сначала все происходило тихо и камерно, она прятала бутылки в своей комнате и о том, что ее матушка прикладывается к выпивке, Вера смогла понять только по запаху. Но потом... потом ее «попросили» с работы. Кому в сетевом магазине нужна стареющая и принимающая на грудь кассирша, когда вокруг просится на работу множество молодых, не пропивших мозги девчонок? И устроиться в ожидании пенсии она сумела только ночным сторожем. Она бы и не устроилась, но пить-то на что-то надо!

А, сообразив, что этих копеек хватает от силы на половину месяца, ее мать догадалась, как можно решить проблему. Вот есть у тебя, к примеру, заветный пузырь, но не из горла же его посреди тротуара употреблять? Особенно по челябинской холодрыге. А вместо этого можно прийти культурно посидеть к Светлане Федоровне, где и рюмочку под живительную влагу поставят и картошечки сварят, и капусточки насыпят с горкой, только поделись с ней влагой жизни. И их квартира медленно, но верно начала превращаться в шалман, если не сразу

притон. Участковый, конечно, периодически к ним заглядывал и гонял мамашиных гостей, но, как он сам ей объяснял, пока они не нарушают беспорядок в неурочное время и не учиняют песни с драками, ему их и привлечь-то особо не за что...

А к ее пятнадцатилетию драгоценная матушка сделала ей «подарок». Вернувшись после встречи Нового года первого января от одноклассницы Вера увидела на вешалке чужое пальто и поморщилась: дожили! Гости уже с ночевой остаются! Вернее, гость. Хотя возвращаться домой подшофэ в минус двадцать в новогоднюю ночь оно и впрямь как-то не в кайф... Ладно, будем надеяться, что утром уберется. На кухне, как всегда, было полно немытой посуды, остатков скромного пиршества и пустых бутылок. Перемыв тарелки и столовые приборы, Вера начала ждать появления похмельной родительницы. Но если она надеялась, что проспавшийся и протрезвевший гость утречком уберется, то напрасно. Выползшая из своей комнаты опухшая маменька гордо представила ей вышедшего вместе с ней мужикашку пройдошистого вида как Петра Андреевича и объявила его своим будущим мужем. Так, приплыли.

Понимая, что дочь не в восторге от внезапного увеличения их маленькой семьи, мать немедленно заблуждала что-то о своем праве на женское счастье. Вера мрачно разглядывала мамашиного избранника, прикидывая насколько его хватит, с учетом ее образа жизни. Она очень надеялась, что ненадолго и ошиблась. Петюня, как ласково звала его маманя, действительно отвел ее в ЗАГС, и укоренился в их доме как цепкий сорный плющ.

Что вполне соответствовало его фамилии Плющев.

В чем-то Вера маменьку понимала, куда приятнее, когда компанию тебе составляет не пропитый до последних потрохов сталевар-матершинник дядя Сёма, а аккуратенький, вежливый, пусть и несколько потрепанный жизнью диспетчер с тракторного завода. Где он не «горел на работе» в горячем цеху, а сидел в чистеньком кабинетике и отвечал за координацию транспортных средств, вывозящих готовую продукцию. Опять же мог похвастаться пусть и редущей, но блондинистой шевелюрой, и голубыми глазенками, взгляд которых был призван убедить окружающий в его кристальной честности. Прямо принц. Потасканный, но принц.

И статус. Те «гости», которые периодически интересовались у матушки насчет их приласкать за бутылку «огненной воды», изначально полагали свои с ней отношения одноразовыми, а Петюня не стал на мелочи размениваться – предложил сыграть свадьбу. Что немедленно добавило ему очков в ее глазах.

Петюня сначала порадовал Веру тем, что мамаша перестала зазывать в дом окрестную алкашню. Теперь к ним заходили исключительно его друзья, некоторые из которых пытались претендовать на некую душевную и умственную утонченность и даже устраивали философские диспуты по поводу судеб думающего человека в России и особого пути интеллигентов. Понятно, что без бутылки с сигареткой пришлые интеллигенты разобраться в этих вопросах никак не могли, и пьянки под гитару в квартире 39 продолжались, пусть и в несколько другом составе...

И ни одна сволочь даже не задумывалась, как ей в такой обстановке делать домашние задания. И насколько ей может быть неприятно, что по квартире постоянно шастает какой-то посторонний мужик в семейный труселях, невовремя занимая ванную. А уж когда ей стукнуло пятнадцать и масляный взгляд Петюни начал все чаще с интересом останавливаться на ее оформляющейся фигуре, а шаловливые ручки все ближе блуждать около ее округлостей, Вера поняла – дело плохо. А уж когда такие же недвусмысленные действия начали себе позволять еще и его собутыльники, стало окончательно ясно – пора валить. Причем быстро. Мать ей не поверит, решит, что дочь из вредности на мужа наговаривает, участковый перестал к ним заглядывать, так как вроде никто не дебоширит, кому ей жаловаться?

Именно тогда она и начала перелопачивать все сайты училищ в их городе, основной акцент делая на наличие общежития. И из всего многообразия выбрала тот, который давал возможность овладеть специальностью повара и кондитера. Наверное, пребывание поближе к

сытому месту стало основным аргументом выбора будущей профессии, поскольку в последние годы шанс нормально поесть в их квартире был, скажем так, невелик, там не ценилась, а потому и не готовилась еда, там отдавали предпочтение закуске, а это далеко не одно и то же! Зачем лепить котлеты, когда проще купить кильку в томате! Зачем варить суп, когда есть Доширак! И закончив 9 классов, Вера подала документы в механико-технологический техникум, после поступления радостно удрав в общагу, и покинув ставший негостеприимным дом. Чтоб не возвращаться туда даже на каникулах.

Информацию о том, что вот уже два с половиной года происходит у матери она периодически получала у того же участкового, исправно информировавшего ее о том, что в их квартире регулярно собираются петюнины собраты по разуму, продолжая под водочку мусолить тему судьбы интеллигентного человека в России и ругать власти за воровство. Сама же «любящая» мамаша словно давно забыла о том, что у нее когда-то была дочь. В принципе, Веру до сих пор это устраивало, но в свете сказанного Веником... кажется, и впрямь пора было что-то делать.

В-общем-то услышав о задумке отчима, она даже не удивилась, разозлилась, это да, но не удивилась. Какого-то подвоха от этого гнилого типа она подспудно ждала давно. Неясным оставался механизм действия Петюни.

– А как он намерен без моего согласия обойтись?

– А так! Выставит квартиру на продажу... если уже не выставил, полагая, что тебе все это не интересно и продаст!

– А подпись...?

– «А усы, – провозгласил Веник голосом почтальона Печкина, – и подделать можно!» В смысле подпись твою! Доказывай потом, что ты ни сном, ни духом!

Видимо, он так и поступит, тихушник поганый. И все у него, гаденыша, может получиться, если она не начнет суетиться прямо сейчас. А справится?

– Сама я не справлюсь, – подумав, пришлось признать ей. – Даже с твоей помощью.

– Зови на помощь банду этих... твоих грызунов!

– Сам ты грызун-вегетарианец! – немедленно взвилась Вера. – А мы хищники! Отряд куных!

Зря он так о представителях этого отряда, очень зря! Пускай большинство экземпляров этого отряда не шибко крупные особи, но все они охотники. И в процессе поимки пропитания способны убить добычу в несколько раз больше из самих. Вера немедленно зашла в их чат и бросила SOS, коротко описав ситуацию. Которую они и обсудили, собравшись вечером в одном из немногих, открытых даже в праздники мест – Арт-пиццерии.

Харзá шипела как масло на раскаленной сковородке и предлагала сразу перейти к решительным мерам, таким как нанесение некоторым сильно хитрож...умным увечий, несовместимых не то, что с продажей чего-либо, а даже просто с возможностью передвижения. Прodelав это в таком месте, где нет камер. Более уравновешенный Хорь полагал правильным сначала получить юридическую консультацию насчет прав Веры, а уж потом предпринимать резкие движения. Ласка поддержала его, сразу нацарапав СМС своему дядьке-адвокату, где и описала ситуацию и попросила разъяснений. Правда сразу оговорилась, что дядь-Леша под Новый год того... имеет «милую» привычку уходить в алкогольный штопор, поэтому ответы и советы они получают очень не сразу...

– А что это вы тут голодом сидите? – спросил их бесшумно появившийся у их столика Солонгой.

– Да официанты после вчерашнего, видать, еще не проспались и не включились, – мрачно объяснила Вера, – несчастную пиццу нам уже добрых минут двадцать несут... а, нет, вот халдей бредет, считай, уже принес!

Принесенные «Капричоза» и «Мясная» немедленно подверглись раздербаниванию и пожиранию, после чего все присутствующие несколько расслабились. Сол отодвинул пустую тарелку, отхлебнул пива и потребовал внятных разъяснений по поводу сложившейся ситуации.

– Есть приватизированная квартира, полученная когда-то ныне покойной бабулей. – доложила Вера. – Есть дарственная, согласно которой она должна достаться нам с мамашей в равных долях. Есть запрет на распоряжение мною наследством до совершеннолетия, который истек сегодня. И появилась возможность продажи жилплощади. Есть основания полагать, что мой душка-отчим попытается ее втихую продать, подделав мою подпись на соответствующем разрешении.

– А кем и как вообще оформляется наследство по дарственной или как правильно?

– Сейчас поглядим, – тут уже и Илька включилась в процесс, залипнув в экран мобильного. – Та-ак... нужен нотариус, который, собственно, и занимается оформлением наследственных дел. Лучше всего, если это будет специалист по месту жительства или регистрации умершего. Это называется «место открытия наследства».

– Нивапрос, я знаю, кто конкретно составлял дарственную, к нему и пойду.

– Вот этот нотариус должен проверить твои документы и оформить дело, а только потом он может выдать тебе свидетельство о праве на наследство. А уже это свидетельство служит основанием для регистрации твоего права на имущество. Ишь, как у них все непросто!

Непросто и долго, а время сейчас играет против нее, понимала Вера. Ее опасения угрюмо озвучила Харза:

– А пока ты будешь ждать открытия нотариальной конторы после новогодних каникул, твой отчим успеет продать квартирку и свалить в закат. Может, все-таки того... ограничить ему на это время подвижность?

И кто возьмет на себя эту обязанность? Самой ей лучше в поле зрения Петюни не отсвечивать... и лучше не обращать внимание на то, как никому кроме нее не видимый и не слышимый Веник в ужасе мотает головой и пытается яростно протестовать.

– Нина права, – веско уронил Солонгой. То, что он перешел с прозвищ на имена, уже свидетельствовало о том, что он проникся серьезностью ситуации. – Надо разузнать, когда он выйдет из дому... и, к примеру, поскользнется по дороге на работу... максимально неудачно для здоровья...

– Я даже знаю где, – подал голос Хорь, – у их дома есть арка. Внутри нее нет камер.

– Осталось понять, когда, – кивнула Ласка. – Не торчать же нам там все праздники!

Не торчать... и не у мамыши спрашивать... а кто сможет ответить на этот вопрос и ничего не заподозрит?

– А это мне Костяй выяснит, – хмыкнул Солонгой. Его соседа Костяя они все знали, парень был хакер от бога, ломануть мог все, что угодно.

– А потом сдаст?

– Я просто попрошу списки смен работников тракторного завода на ближайшую неделю, не уточняя кто именно мне интересен, вряд ли он начнет выяснять, что с каждым из них стало...

А когда они обо всем договорившись, разбежались, Вера с огорчением поняла, что ее опять забыли поздравить с днем рождения. Хотя сейчас у их банды была уважительная причина, все-таки двое ее членов собирались совершить нападение на человека по предварительному сговору... с нанесением ему увечий не самой слабой тяжести... пришлось даже цыкнуть на развешивавшегося фамильяра, нежная натура которого никак не могла вынести столь спокойного отношения к заведомому нарушению закона.

А через два дня господин Плющеев, выходя на смену, поскользнулся и крайне неудачно упал в арке дома на улице Бейвеля, где проживал последние три года... так неудачно, что сломал не только несколько ребер, но и правую руку, и челюсть, и даже голень. Хорошо, что

гулявшая поблизости молодая парочка сумела вызвать Скорую и пострадавшего достаточно оперативно доставили в экстренный приемный покой на улице Воровского. Правда, дежурный хирург был почему-то крайнее недоволен необходимостью оказывать пациенту первую помощь. Наверное потому, что от привезенного тела явственно разило водкой. Он не стал разбираться с тем, что пахла в основном одежда, и указал в карточке больного «алкогольное опьянение». Что автоматически исключало возможность оплаты подобного увечья работодателем, как «травмы, полученной в результате алкогольного или наркотического опьянения». И предвещало разборки с руководством завода, негативно относящемуся к прогулам и пьянкам в рабочее время.

А пока временно нейтрализованный Петюня пролеживал койку в клинике, Вера с помощью вышедшего из праздничного штопора дядь-Леши все-таки получила свидетельство о праве на наследство. И даже зарегистрировала свое право на подаренное бабулей имущество. Но когда они снова собрались в Арт-пиццерию, чтоб отпраздновать тот факт, что ее полквартиры все-таки удалось отстоять, ей пришлось сознаться, что этого недостаточно.

– Это все хорошо, но этого мало. Мне придется уехать доучиваться в другой город, а Петюня рано и поздно выздоровеет и, порадовавшись моему отсутствию, возьмется за старое. Такие люди не привыкли упускать того, что они считают своим, чье бы оно ни было. Кто-то должен следить за этими хануриками, только кому это можно поручить?

Наиболее интересное предложение внесла Илья:

– А давай мы в твою комнату официально поселим сурового челябинского мужика! С ЧТЗ! Или с ЧМК!

– Лучше с ЧМК, – меланхолично заметила Ласка, – ибо, как известно, именно на челябинском металлургическом комбинате делают настоящих суровых челябинских мужиков.

Уж на что никто из них эти мемы не любил, но сейчас этот оказался в тему.

– И где мы такого возьмем? – удивился Хорь.

– А Тимоша? – предложил Солонгой. – Он как раз собрался съезжать от родаков, наемники говорил, что фатеру присматривает. Полуторку он не потянет – дорого, а вот комнату – вполне.

Тимоша, какой-то дальний родственник Сола, в миру Тимофей Аркадьевич Коренев, трудился на ЧМК горновым. Или доменщиком, тут кому как удобнее называть. И управлял технологическими процессами в той самой доменной печи, работая непосредственно у горна, ее нижнего отдела, в котором накапливается жидкий выплавленный чугун. Если уж он не имел права претендовать на звание сурового челябинского мужика..., то непонятно кто вообще мог заслужить такое право...

– А что ты там говорила насчет официального поселения?

– Дак я ж тебе говорю, для страховки! Моя Аринка... ты Аринку помнишь? – Вера кивнула, ее ушлую двоюродную сестричку знало полгорода. – Сдала свою комнату молодой семье по договору и усвистала жить к жениху, а что? Денежка ежемесячно капает, поди плохо? Если Тимоша официально займет твою комнату, его оттуда будет бульдозером не выковырять. И всех, кто соберется квартиру купить, он мигом отвалит.

Идея классная, прикинула Вера. Осталось, как в старом анекдоте, уговорить Ротшильда. В смысле, будущего жильца.

Тимоша, что интересно, выслушав историю с жилплощадью, долго раздумывать на стал, и договор о найме комнаты в квартире подписать согласился.

– Но сначала, – строго добавил он, – осмотр!

А как же! И уже на следующий день Вера с Солонгоем вели Тимошу, который прихватил с собой пару друзей, не уступавших ему габаритами, прямиком к ее квартире. Участковый Вахрушев, которому Вера предварительно позвонила, нагнал их у подъезда и никак не мог поверить своему счастью, в то, что нашелся смельчак, готовый прикрыть «вечный праздник» в квартире 39. Вера открыла дверь своим ключом, порадовавшись, что замки за столько лет

никто сменить не удосужился, и царственным жестом показала на левую дверь. За которой обнаружились какие-то спящие вповалку нерусские рожи числом три. Взяв их под микитки, Тимоша с друзьями начали их молча выносить и сгружать в большой комнате, не обращая внимания на пытающегося преградить им дорогу Петюню.

– Нелегалов без прописки селим? – нахмурился Вахрушев, не дав Петюне сказать не слова. – Где документы этих красавцев?

И пока частично загипсованный Петюня пытался что-то ему объяснить, Тимоша с друзьями молча, но споро очистили маленькую комнату от чужих шмоток, также перекидав их в большую. И аккуратно обходя при этом кровать с храпящей матерью Веры.

– Вот здесь ты и будешь жить! – с энтузиазмом поведала ему Вера, потыкав пальцем в свою бывшую комнату. – Извини, ремонт давно не делали... не на что было.

– Сносно, – согласился Тимоша, – поеду за вещами. А ребята пока займутся установкой двери в мою комнату покрепче. И с замком.

Сообразив, что происходит, Петюня взвыл. Основной пафос его воплей относился к Вере на тему «не имеешь права!». Вера кротко отдала ему копию свидетельство о праве на наследство и регистрации. Не забыв напомнить, что вообще-то не обязана перед ним отчитываться, поскольку как раз он собственником данной жилплощади ни разу не является. И отчета с нее требовать ни в каком виде не может. А когда Петюня кинулся за защитой к участковому, тот только руками развел, пояснив, что не имеет права препятствовать хозяйке собственности распоряжаться ею. И настойчиво еще раз потребовал не переводить разговор, а предъявить документы подозрительных лиц в количестве трех особей, почему-то проживающих в квартире 39 без регистрации. И тут мамашин муж прибежал к последнему аргументу, и ткнув пальцем не пострадавшей руки в Тимошину сторону, проорал:

– Он здесь не зарегистрирован!

– Как и Вы, – не преминул заметить Вахрушев.

– Я – муж хозяйки! А он – неизвестно кто!

– Хорошо, – мирно согласилась Вера, – мы завтра же с ним распишемся. Тогда Тимоша будет здесь проживать на точно таких же основаниях.

Окружающие знатно обалдели, даже Веник завис с отпавшей челюстью. Первым в себя пришел Солонгой. Он немедленно принес Вере с Тимошей цветистые поздравления с грядущим законным браком и призвал их не задерживаться с произведением на свет наследников, обещая стать им крестным отцом. Петюню перекосило.

Вторым очухался Тимоша и сообщил куда-то в пространство, что готов начать размножаться прямо сейчас, и что в их семейном гнездышке отныне не должно быть посторонних, которые будут мешать интиму и могут разносить всякие инфекции, вредные для беременных женщин и будущих детей. Петюня отчетливо заскрипел зубами.

А пришедший в себя участковый уже отзвонился в отделение по поводу обнаружения скорее всего нелегально приехавших в Россию гастарбайтеров из Средней Азии и деловито составлял протокол, попутно информируя Петюню о размере штрафа, который положено уплатить в данном случае. Петюню чуть не хватил удар.

Если бы взгляды могли убивать, Вера уже лежала бы бездыханной. Наверное, до сих пор никто ушлого Петюню не обламывал настолько жестко. Мало того, что вторая хозяйка жилплощади, про которую он успел забыть и которую не воспринимал всерьез, вспомнила о своих правах и сумела заручиться нужными документами, так она еще умудрилась прикрыться от его гнева здоровенным бугаем, запугать которого или заставить отойти в сторонку – нереально. А значит о деньгах за продажу квартиры можно забыть, о разгульной бесконтрольной жизни – тоже, а в качестве вишенки на торт придется еще заплатить штраф за поселение у него нелегалов без регистрации. И виноватого во всем этом можно долго не искать, вот она стоит, мерзавка малолетняя.

Так что взгляд у Петюни был очень выразительным. Но бессильным. А пришедшие с Тимошей суровые мужики уже успели обмерять дверь и косяки маленькой комнаты и созванивались со знакомыми, диктуя им габариты требуемых деталей. И уже через два часа новенькая дверь заняла свое законное место, нагло отблескивая свежееустановленным замком. А к вечеру за ней укоренился с вещами и новый жилец, всем своим видом говорящий окружающему миру, что теперь он будет здесь наводить свои порядки.

Январь месяц для Веры по итогу выдался невероятно суматошным. Потому что наряду с утрясанием документов на квартиру пришлось еще сдавать сессию, экзамены ради нее никто отменять не собирался. Но все когда-нибудь заканчивается, и получив направление о переводе в Московскую государственную академию пищевых производств, тридцать первого января она села в кресло самолета, следующего рейсом Аэрофлота SU 1535 Челябинск-Москва. Ее немного потряхивало от страха и возбуждения. Но отступать она не собиралась: держитесь, москвичи, уроженка Челябинска Горностаева Вера едет покорять столицу.

– Сканы документы пришли, можно начинать возню с переводом.

– И как тебе кандидатура?

– Ничего. Могло быть хуже. А так: в меру наглая, в меру цепкая, достаточно талантливая, достаточно управляемая.

– Дай-то Бог, чтоб все получилось, потому что для него это последний шанс!

– Вот и пускай выложится по максимуму, подгорающая задница, знаешь ли, один из самых веских аргументов, чтоб стараться не за страх, а за совесть!

– Ты уверен, что она у него есть?

– Я уверен в наличии такой поговорки. И в наличии у него страха. В конце концов это был его выбор.

– Тоже верно... посмотрим, как дальше будут развиваться события.

– Да... и подстрахуем, если что...

1 января 2018 года

*Знаешь, опасаться стоит других людей. Посторонних.
Они диктуют тебе что делать, чего стоит. И помимо
воли ты тратишь собственную жизнь на поиски того,
что посторонние велели тебе искать.*
Уолтер Тэвис. Ход королевы

«Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» Настолько много, что что не каждый и вывезет такую ношу. Уж на что Вера до сих пор жила в городе-миллионнике, а столица показалась ей действительно мегаполисом. В нем практически каждый куда-то все время торопился или просто показывал таким образом окружающим свою непомерную занятость, каждый варился в своем персональном котелке проблем, не желая заморачиваться сложностями остальных, и легко мог пройти мимо кого или чего угодно.

Правильно кто-то писал о том, что любая столица – это Молох, остро нуждающийся в человеческих жертвоприношениях. Такой гигант каждый день затягивает в свою ненасытную пасть и равнодушно перемалывает как проживающих в ней, так и вновь прибывших, не оставляя от них порой даже костей, не говоря уже о каких-то там их наивных надеждах и чаяниях.

И первое, с чем Вера столкнулась в Москве, было именно это ощущение собственной никому не нужности. Нет, ей объяснили, как добраться от Шереметьево до метро, как купить карточку на проезд, даже на какой станции ей следует выйти, но... по обязанности. Нехотя. Не то, чтоб она ждала распростертых объятий, но и взгляды сквозь себя, как будто она вообще не имеет значения в этом времени и пространстве, как-то удручали. А у окружающих отношение было крупным шрифтом написано на лицах, мол, пробегают тут мимо кто-то в стандартной человеческой комплектации: две руки, две ноги, голова вот тоже имеется, иначе чем оно разговаривает? И пусть себе чешет дальше, не путаясь под ногами у занятых граждан... на хватало еще свое драгоценное внимание на кого бы-то ни было распылять...

Тем не менее документы в деканате у нее приняли, студбилет выписали, проездной со скидкой купить дозволили, и даже место в общежитии выделили. А вот когда она со своим стареньким чемоданчиком до общежития дотрухала, равнодушие резко иссякло. После того как ей выдали на вахте пропуск, заставили выслушать унылый инструктаж по пожарной безопасности, ознакомили со схемой эвакуации и расположением огнетушителей, тщедушная, но грозная тетенька-кастелянша подыскала ей свободную койку, выдала ключ, снабдила постельным бельем, а заодно и всей необходимой информацией насчет самостоятельной уборки помещения, и, главное, очень громко просветила на счет неукоснительного соблюдения правил общежития.

– Возвращаться не позднее 23.00! Оплачивать проживание вовремя! Никаких самовольных переселений! Электроприборы в комнате держать запрещено! Не курить! Соблюдать чистоту! Казенное имущество беречь! О всех неполадках немедленно сообщать! Животных не приваживать! Готовка только на кухне! Музыка по ночам не включать! Алкоголь запрещен! Мужиков не водить!

И проскальзывало что-то такое в ее прищуренном взгляде, мол, вижу вас всех насквозь, только я за порог, как вы немедленно кинетесь «водку пьянствовать и безобразия нарушать»! Вера на всякий случай кротко заверила злобную тетеньку, что она все поняла и поинтересовалась расположением ближайшего продовольственного магазина, поскольку желудок давно и очень громко напоминал ей о необходимости закинуть в него хоть немножко топлива...

А кроме продуктов и чайных пакетиков еще пришлось купить кастрюльку, потому что никакой посуды для готовки в комнате не наблюдалось. Хорошо хоть любимую кружку с напе-

чатанным на ней горностаем, подаренную ей когда-то в складчину отрядом кунных, она не бросила в Челябинске... и разобрав вещи, приняв душ и наведя себе горячего питья с булкой, можно было начинать планировать новую жизнь. И начать следовало с фамильяра, который мог ответить на самые насущные вопросы. Но вместо этого впал в эйфорию и сейчас старательно изображал из себя взбесившегося Карлсона.

– Веник. Веник! Да Веник же!!!

Кто б ее услышал...

– Все! – радостно курлыкал никому не видимый Веник, носясь по комнате. – Получилось! Живем!

– Да очнись ты уже! Трудности только начались!

– Какие трудности?

– А такие! Кто мне будет платить стипендию и будут ли вообще? Кто те доброхоты, которые поспособствовали моему переводу в столицу и кому я должна вроде как подчиняться? Когда они меня придут закабалить на трехлетнюю работу и куда определят? Как у вас тут вообще устроена иерархия этого вашего сообщества... или содружества... как хоть правильно-то?

Веник наконец перестал скакать по всем поверхностям и приступил к объяснениям, как он выразился «политики партии». Ну, во-первых, стипендия у нее будет, просто надо зайти в местную бухгалтерию с документами о зачислении и завести карту того банка, который скажут. Деньги будут перечисляться туда. Во-вторых, ни о каком «закабалении» речь не идет, он бы попросил! Правильное слово – отработка, и уж точно не сейчас, потому что наличие у Веры потенциала – это так, перспектива, и пока она не продемонстрирует хоть какие-то успехи в процессе обучения, куда-то ее определять на работу бессмысленно. Да и кем? Младшим нарезателем лапши или старшим мойщиком зелени? Вот докажет свой уровень умений, тогда и поговорим, а пока о чем?

Что же касается устройства сообщества талантов... наверное, правильнее будет определить его как взаимодействующую клановую систему с разделением по способностям. Не совсем точно, но ближе всего к ее восприятию. Есть кланы врачей, военных, полицейских, музыкантов, писателей, актеров, кулинаров, архитекторов, даже политтехнологов. И у каждого клана есть свое выборное начальство – Совет. Именно они определяют направления развития внутри сообщества, степень взаимовыручки как для представителей других кланов, так и для простых смертных. И далеко не всегда помощь оказывается за деньги, скорее, за некие услуги. Взаимозачет – штука давно известная и прекрасно действующая.

А судопроизводство и наказания тоже в их компетенции? Тоже. Они вправе определять степень вины в случае проступка члена клана и назначать виру.

А общее руководство у кланов имеется? Имеется. В зависимости от размеров клана избираются представители для регулярного заседания в Конклаве.

– Ну, Конклав я вряд ли заинтересую, – рассудила Вера. – А вот Совет как-то ближе... скажи, а есть какие-то неизвестные мне кулинарные преступления, за которые можно от них огрести? Вот как тебе досталось... Не хотелось бы, чтобы и мне прилетело по незнанию... чего мне нельзя делать?

– Я тебе скажу, если что. Но на нарушение моего уровня ты пока не тянешь, так что просто постарайся никого не зарезать и не отравить.

А, ну, это можно. Это просто. Хотя... попадают иногда такие заразы, при виде которых руки сами непроизвольно начинают шарить вокруг в поисках остро заточенного топорика для мяса, н-да... Интересно, что когда-то «выкинул» сам Веник? Гадюку вареную есть отказался или, наоборот, пытался насильно накормить кого-то из членов Совета живым иглобрюхом?

– А клановые члены внутри столицы тоже проживают географически обособленно? Как этнические группы в Нью-Йорке? Ну, там, Чайна-таун, Гарлем, Брайтон-Бич, Маленькая Италия и прочие?

– Да что тебя все тянет сравнивать и искать аналогии? – рассердился Веник. – У них – своя система расселения, у нас – своя, и, если и есть некие островки расселения именно по профессиональному признаку, так только в некоторых садовых товариществах, где участки когда-то могли давать от одного завода. Или больницы. Или института. А, нет, бывали еще и ведомственные дома, но по сравнению с общим разбросом проживания по столице это капля в море!

Что ее тянет сравнивать, задумалась Вера. Да просто, сталкиваясь с чем-то непривычным, хочется ухватиться хоть за что-то более-менее известное и понятное, оттого и лезут в головы варианты похожести, чего неясного?

– А что будет если наш тандем не продемонстрирует на выходе Совету ожидаемого результата?

– Говорил же, меня – на развоплощение, тебя – пинком под зад в родной город, – угрюмо буркнул фамильяр. – И никогда никакой помощи по профильному образованию. И вне его.

Невесело... но, по крайней мере, сам Веник кровно заинтересован в ее успехах, поэтому можно считать его союзником. Ну, наверное... хотя мелькала у Веры мысль, что не так с ним все просто, но было понятно, что этого он добровольно не расскажет. Ну, хоть поможет, и то – хлеб.

– Значит, будем учиться и совершенствоваться... Не дрейфь, Веник, прорвемся!

– Обязательно! – подлез ей под руку фамильяр. – Я тебе все, что могу, подскажу!

– А вот, кстати... я могу не скрывать факт твоего у меня наличия? Или это тайна?

– Лучше не рисковать, – серьезно посоветовал Веник. – Кому надо, те в курсе, а остальные... только завидовать начнут.

В курсе, говоришь..., похоже ее судьбой заинтересовался кто-то из членов этого самого Совета, вот только чем это может ей грозить? Если они захотят ее поддержать..., перевели же аж в столицу из Челябинска, наверное, это плюс. Но они же обязательно постараются ее втемную использовать, а это минус. А она даже не знает всех раскладов. Эх, и впрямь «минуй нас пуще всех печалей...»

А к началу занятий в комнату вернулась и ее соседка. Ольга Рязанцева оказалась ее одногруппницей и вполне вменяемым человеком. Именно она просветила Веру насчет особого статуса их двух групп в университете прикладной биотехнологии.

– Понимаешь, мы, некоторым образом, на особом положении. В эти группы попадают самые потенциально талантливые кулинары. В восьмую группу зачисляют самые сливки – тех, у кого родители владеют крупным ресторанным бизнесом, как правило, в Москве-Питере, и могут обеспечить своим детям максимально благоприятные стартовые позиции. В нашу седьмую группу попадает обрат, ну, снятое молоко, здесь учатся либо дети представителей мелкого ресторанного бизнеса, либо вообще одиночки вроде тебя, у кого нет серьезной подпоры.

– А что, вся восьмая группа талантливее седьмой?

– Да щаз-с! Там порой попадают такие балбесы, которых преподаватели изо всех сил тянут за уши тянут, но гонору, гонору!

– Тогда почему...?

– По влиятельным родителям. Если есть хоть капля таланта при богатых родаках – тебе достается восьмая группа и вся распланированная жизнь в шоколаде. Если есть пусть и запредельные способности, но некому за тебя заступиться – твой удел седьмая группа и расчет только на себя.

– А если с талантами не задалось?

– Не возьмут. Хоть ты что делай, а не возьмут. Потому что, если у тебя только дорогуший кабак в собственности, это еще не делает из тебя повара. Его и продать недолго, и к чему тогда бездарность учить? От которой толку все равно – ноль?

– А у тебя?

– А у меня легкая рука на выпечку. Это семейное, по материнской линии мы ведем происхождение от мастеров купца Гречихина.

Вера уважительно кивнула, имя Василия Гречихина – это, считай, бренд. Полученный им Гран-при Всемирной выставки 1889 года в Париже за пряник – это вам не жук начихал!

– А в смысле собственности у родителей?

– У моего отца ресторан и пекарня в Туле, «Пряничный домик» называется. Когда-нибудь он передаст мне наш семейный бизнес, а чтоб это произошло, я тут изо всех сил учусь. Кстати, а у тебя к чему способности?

– У меня нет каких-то прям ярко выраженных наклонностей к некому виду блюд... но я умею как-то оптимально подбирать баланс соли, специй и пряностей для них... даже не знаю, как это правильно назвать. А вот, кстати, с тестом и вообще с десертами – у меня полный швах!

– У меня наоборот, ну, так это нормально, у всех должны быть свои склонности и своя «фишка».

И тут Вера внутренне похолодела, паника-паника, черт, она же сейчас спросит, кто стоит за ее переводом в середине учебного года, а ей и сказать-то нечего! И искоса, чтоб собеседница не заметила, покосилась на Веника: давай, фамильяр, помогай, раз обещал, да заодно запретил о себе упоминать, но сейчас надо как-то выкручиваться! Веник ее страданиями не проникся и ехидно предложил сослаться на принесенное совой письмо из Хогвартса. Нашел время на троллинг, образина наглая!

– А ты к нам как...? – ну правильно, не могла она этого не спросить.

– Сама точно не знаю, – предпочла не врать Вера. – Мне предложили перевод... в относительно безличной форме... я пока даже не знаю где буду отрабатывать три года за такое счастье...

– Бывает, – легко согласилась Ольга. – Такая система характерна при целевом обучении студента, чтоб отбить вложенные в него бабки.

– Слушай, а как в эти группы вообще отбирают талантливых?

– Так через тесты! Там чуть не половина первого курса после поступления заявила с заявлениями. Всех кандидатов в наши группы проверяла и выбирала лично Чума! Ой, что было, когда некоторые пытались доказать право на обучение в элитных группах, но при этом не знали с какой стороны к разделочной доске подойти!

Так-так-так, интересно... а ей-то Веник втирал, что талант как-то «видно» ... хотя, возможно, никакого противоречия здесь нет, и разглядеть твои способности получается исключительно в процессе работы с продуктами и кухонной утварью, взять, к примеру старую корову Калюжную, так та неоднократно наблюдала за их практическими занятиями в колледже, хотя, казалось бы, что она там забыла? А она, получается, изначально присматривалась к интересным студентам со способностями! Тогда все логично, и все сходится.

– Ты сказала у наших групп особый статус... а можно поконкретнее, в чем это выражается?

– Так для нас и второй язык преподают, и третий по желанию можно взять, и некоторые факультативы объявляются только для нас, и преподаватели есть, которые принципиально не берут обычные группы, и мастер-классы для нас проводят в самых крутых заведениях Москвы, и выезды в знаменитые заграничные рестораны на практику бывают..., плюшек много, только успевай жевать!

Вера подумала и прямо спросила:

– Я так понимаю, нас не любят?

– Правильно понимаешь, – хмыкнула Ольга. – За что нас любить? За то, что нас признали более способными и выдали под это дело уйму дополнительных возможностей? Или за то, что чуть не вся восьмая группа существует с приклеенным с детства на мордах выражением: «отвалите, нищоброды!»?

Понятно... что просто не будет. Особенно просто не будет ей, у которой ни знаменитых предков, ни богатых родителей, а она, понимаешь, посреди учебного года взяла и приперлась в группу избранных. Проверок на прочность, в смысле на способности не избежать. Да еще как минимум второй язык придется судорожно учить и сдавать... какой, кстати?

– Мы в основном «англичане», поэтому вторым взяли полезную для профессии классику – французский язык. А третьим по желанию можно изучать итальянский, испанский, греческий, португальский... Вот немецкий как правило, желающих учить нет. А по восточным языкам, японский там, китайский, хинди, если потоки и открывают, то не чаще, чем раз в пять лет... нашему потоку не перепало... но оно, может и к лучшему, на кой мне в Туле тот же китайский?

Логично, да и каким боком культуру еды палочками можно приложить к тем же пряникам, Вера даже под дулом пистолета не смогла бы объяснить... значит, ей придется «догонять» обязательный французский. А третьим языком какой лучше выбрать: итальянский или испанский?

О чем она Ольгу и спросила, но та только руками развела, честно сказав, что ей и французского выше крыши, потому что после английского он укладывается у нее в голове не лучшим образом, хотя преподаватели и обещали иное.

– Куда тебе третий язык, – злобно зашипел невидимый Веник, – ты второй-то сначала с нуля догони! И первый заодно подтяни, иначе никто с тобой даже разговаривать на эту тему не станет!

Э... ну да, что-то она размечталась. Но ведь хочется же! А оба эти языка как раз дают возможность углубленного изучения блюд той самой средиземноморской кухни... мусака, панцанелла, аранчини, паэлья, буйабес, писсаладьер, бэббуш... слюной на захлебнись, одернула она себя.

Ольга ей и тетради по французскому и другим предметам пообещала, и где прячется запретный электрический чайник показала, и вообще просветила по многим вроде бы мелким, но иногда жизненно необходимым вопросам. Потому что магазины с «конскими» ценами следует за версту обходить. А места закупки прокладок, наоборот, надо знать. Равно как и те торговые точки, которые славятся регулярными скидками и акциями. Вот в один такой крупный супермаркет они и прогулялись за добычей, а потом Вера в знак установления добрососедских отношений быстренько сварганила из купленных продуктов свой фирменный грибной суп. Попробовав который, Ольга задумчиво покивала и объявила, что понимает зачем Веру выдернули из родного города. Та уже почти выдохнула, но тут соседка неожиданно сообщила, что:

– Челябинские девушки настолько суровы, что даже из обычных куриных окорочков умудряются сварганить нечто шедевральное!

Да чтоб тебя! И она туда же. Вера яростно засопела. И настоятельно попросила соседку никогда не поминать при ней ничего сурового из того, чем вроде бы по слухам славится ее родина! Ибо достало, нафиг. Та удивилась, но, пожав плечами, кротко согласилась. А Вера мрачно подумала, что это Ольга постарается не поминать «сурового челябинского»... ничего, а вот ждать от остальных, что они упустят шанс над ней постебаться, не приходится.

В-общем, подводя итог, можно было считать, что с соседкой ей повезло, если не считать одного маленького нюанса. Или заскока. Она почему-то не любила собственное имя. И специально попросила не называть ее Ольгой. Лёля, Люля, Олеся, как угодно, только не так, как значилось в паспорте.

– А чего так? – удивилась Вера.

– Простецкое какое-то имя... Оля... ни о чем.

Да?! Похоже, соседка не в курсе происхождения своего имени, а оно такое, не совсем обычное. Ольга – это же аналог скандинавского Хельга, а уж это имя проросло прямоком от Хель – повелительницы Хельхейма, мира мертвых. Повелительницы всех ушедших от нас, кроме героев, погибших в бою, тем изначально уготована Вальхалла. Рязанцева данным фактом как-то не впечатлилась.

– Еще того хуже, – скривилась она, – не просто злобная смерть, а еще хозяйка каких-то мертвяков!

Вера размахивала руками и чуть не с пеной у рта убеждала ее в том, что она не права: Хель – не воплощение зла, она скорее персонификация смерти как вполне естественного закона бытия. Потому, что как ни сопротивляйся, все там будем. Это обязательно для всех, а, значит, Хель – необходимость, Хель – ревнитель справедливости, Хель – баланс между живым и переставшим быть таковым. Кому-то же надо наводить порядок среди ушедших от нас? Вот ей и досталась такая... ммм... должность. Или доля. Которую определил ей, между прочим, лично Один!

А еще... вот, к примеру, древнерусская княгиня Ольга! Как она какой-то там город попала к чертям собачьим, мстя за смерть мужа! И ведь додумалась же птичек сначала с домов собрать, а потом поджечь их и выпустить...

Рязанцева подумала и с некоторым скрипом согласилась, что, пожалуй, да, происхождение имени у нее как минимум не стандартное, и носительницы этого имени в русской истории встречались вполне себе крутые, но... продолжала откликаться только на Лёлю.

Врастание в новый коллектив прошло достаточно гладко, но во многом благодаря Оле-Лёле, получив от нее заверение, что новенькая переведена к ним именно из соображений «не пропадать же кулинарному таланту», одноклассники переставали сверлить Веру подозрительными взглядами, а уж услышав о ее происхождении и вовсе облегченно выдыхали: «не мажорка!» Правда тут же норовили отпустить очередную шуточку насчет чего-нибудь сурового, но довольно быстро заткнулись, когда она их честно предупредила, что «челябинские женщины настолько суровые, что их боятся даже суровые челябинские мужики!» И вроде бы даже прониклись и перестали ее тупо подкалывать. Но не все.

Очередной раунд подзуживаний пришелся на первый же сдвоенный с восьмой группой практикум. Раз в две недели их группы объединяли, и кто-то из мэтров проводил для них очередной мастер-класс. Сегодня настала очередь Чумы. Под этим страшноватым прозвищем скрывалась профессор Шумаева. Впрочем, почему скрывалась? Она прекрасно о нем знала и, похоже, не возражала против такой кликухи. Даже гордилась.

Вера с интересом ждала появления такой неоднозначной личности, ну, еще бы! Призер чертовой уймы международных конкурсов, обладательница наград «Мишлен» и «Женщина шеф-повар года», владелица «Пальмовой ветви ресторанного бизнеса», член WORLDCHEFS-WACS, это уже не человек. Это легенда.

И Чума оправдала ее ожидания. Влетевшую в кухню-аудиторию миниатюрную бабульку очень хотелось назвать старухой Шапокляк. Настолько она была юркая, вертлявая, шнырливая, явно не способная долго находиться на одном месте.

И взгляд. Взгляд у бабульки был ну очень внимательным, мгновенно охватившим всех присутствующих, с неодобрением скользнувший по скучившейся на задних партах компании молодых парнишек, и просветивший саму Веру чуть не рентгеновским зрением.

– У нас новенькая?

– Ага, Лид-Пална! – не мог не влезть один из сидевших на галерке, вихрастый блондинчик. – Аж из Челябинска. А тамошние повара настолько суровы, что заправляют салаты машинным маслом!

Далось им ее происхождение! Вера уже подыскивала соответствующий случаю ответ, когда Чума ответила за нее:

– Когда в салат идет машинное масло из соображений суровости, это еще можно как-то понять, но, когда в него же так и норовят плескнуться неразбавленную уксусную кислоту вместо обычного девятипроцентного уксуса... вот это уже наводит на мысли о вредительстве!

Это да-а... в розничной торговле для пищевых целей, конечно, можно прикупить такую кислоту с концентрацией 70%, но чтоб ее потом использовать на людях без разбавления не обойтись, иначе гарантированы ожоги кожи, пищевода, желудка, а также слизистых оболочек глаз...

– Кстати, кто из вас помнит формулу уксусной кислоты? Новенькая?

Вера вскочила и отбарабанила:

– Ледяная уксусная кислота имеет формулу CH_3COOH .

– Правильно... а в какой пропорции ее следует разбавлять?

– Одну часть уксусной кислоты в двадцати частях воды. При этом именно кислоту нужно добавлять в воду, а не наоборот!

– Вот! Для тех, кто на пальме: именно кислоту в воду, а не наоборот! Иначе не миновать вам ожогов и вызова Скорой!

Блондинчику с галерки эта отповедь явно не понравилась, но рискнул он спросить о другом:

– А почему не для тех, кто в танке?

– А для них Би-2 уже все спели!

Это было сильно. Древняя бабка, разбирающаяся в творчестве представителей современной эстрады... лихо, что тут еще можно сказать. Только уважительно поаплодировать. Но отвлекаться им никто не позволил, потому что Чума немедленно призвала всех проникаться секретами того, как именно следует держать нож при работе с овощами.

– Запомните, – сурово вещала она, внимательно разглядывая положение пальцев студентов, – нож не сжимают как горло врага! Белобородов, хват должен быть правильным, а не судорожным! Ложкин, куда Вы пальцы левой руки выставили, они у Вас, что, лишние?! Выучите уже, как «Отче наш», три правила:

– Во-первых, нож нужно немного отклонить так, чтоб верхней частью он слегка лежал на пальцах. Во-вторых, кончики пальцев нерабочей руки нужно подогнуть внутрь кулака, чтобы плоскость ножа касалась только костяшек и скользила по ним. И, в-третьих, Захарова, большой палец нужно спрятать за остальные!

Чума пронеслась по всему помещению, периодически исправляя положение пальцев студентов, которые так и норовили ухватить предложенный тесак неправильно. Вере она только молча одобрительно кивнула головой, от чего та незаметно перевела дух. Не зря, оказывается, Люсинда их в техникуме жестко дрючила, за неправильную постановку пальцев могла и лопаткой поварской по рукам треснуть, чтоб больше не ошибались! И пальцы себе не отрубили. Вон оно когда пригодилось... Потому что выслушивать от местной знаменитости, что «руки у нее растут из того же места, что и ноги!» ну очень не хотелось...

– Ты откуда эти тонкости знаешь? – после занятия поинтересовалась у нее Лёля, которой от Чумы успело перепасть ехидное заявление, что таким хватом как у нее только мужские причиндалы держать в соответствующий момент, а не режущий инструмент. Пришлось шепотом просвещать ее насчет драконовских методов их челябинской преподавательницы, которая не слишком разменивалась на слова, а сразу пускала в ход различную кухонную утварь.

– Сурово, – поежилась соседка.

– Дак, зато действенно, – не согласилась Вера. – Видишь, даже от вашей Чумы не прилетело!

– Нашей, Вера, нашей! А прилететь... еще прилетит. Готовься, это сегодня она нас для первого раза пожалела, а потом завалит рефератами и практическими заданиями! Я-то знаю, уже насмотрелась...

Но то, что Веру не тронула Чума, почему-то не понравилось некоторым представителям восьмой группы. Вот, казалось бы, не помнишь ты формулу уксусной кислоты, так открой учебник и просветись! За умного сойдешь. А вот и нет, в том, что ее не смог запомнить нагловатый блондинчик с галерки, за что и удостоился неудовольствия Чумы, он предпочел счесть виноватой Веру. И немедленно попытался приклеить к ней звание выскочки и подлизы.

– А ты тупарь, – не стала молчать она. – Простенькую формулу выучить не можешь, зато наезжать горазд!

Наверное, она сделала это зря. Но позволять себя оскорблять, причем ни за что, как-то не хотелось. Блондинчик разозлился и в ответ посулил ей, что она о свих словах еще пожалеет, после чего убрался со свитой.

– И кто это такой грозный?

– Горелов, – объяснила Лёля. – Мнит себя неотразимым, и, к сожалению, умным. У папы сеть блинных и чебуречных. Не олигарх, но богатенький Буратино.

Вот только богатеньких Буратино ей в качестве врагов и не хватало! А еще мнящих себя шибко остроумными мажорчиков, тут же не преминувших осведомиться у нее, правда ли, что их челябинское пиво настолько сурово, что превышает по крепости медицинский спирт?

– Правда, – на полном серьезе брякнула Вера. – А уж челябинская водка настолько сурова, что ее запретили аж в 190 странах мира как ядерное оружие!

Рафинированные мальчишки все-таки сообразили, что над ними прикалываются, и тоже обиделись. Зато одноклассники одобрительно захохотали и принялись давать соперникам ехидные советы, в каком виде им лучше употреблять «горючую воду» из ее родного города. А вот Веник осуждающе покачал головой и предрек, что просто так говнистые мажорчики ей это не спустят...

Сама Вера старательно грызла предлагаемые университетом гранит, диорит и базальт науки, понимая, что в отличие от тех, у кого сложилось с родителями, она не может позволить себе лентяйничать и бездельничать. Ей-то рассчитывать не на кого. Опять же, повышенная стипендия всегда лучше обычной. И уж куда лучше ее отсутствия.

Что же касалось способностей соучеников из блатных групп... ее мнение о них чаще было негативным. Хотя были в этой элитной группе и те, о ком можно было смело говорить – гении! Взять, например, Дюшу Лисохвоста с их потока, так вообще непонятно, как он куда-нибудь в МГУ на мехмат не рванул, парнишка с любой цифирью был на «ты», мгновенно просчитывал калькуляцию продуктов и калорий чуть не в уме. Если бы Вере сказали, что он на самом деле робот с процессором последнего поколения в голове, она бы даже не удивилась, настолько быстро и красиво у него получались расчеты.

А староста восьмой группы Морозова Настя поистине виртуозно работала с рыбой. Все знают, что иногда мелкие рыбные кости – это сущее мучение, пока все вытащишь, исплюешься и ухомáздаешься! А она умудрялась как-то ловко одним движением извлекать рыбный хребтик целиком, после чего подцепляла пинцетом оставшиеся пару ребер, и вуаля! Чистенькое филе.

Или Сорейя Мамедова, учившаяся в восьмой группе на год старше, те, кто видел ее десерты, начинали истекать слюной еще на стадии осмотра. А что она делала с украшением тортов – вообще было за гранью понимания окружающих. На запах ее выпечки окружающие стекались бессознательно, не полностью отдавая себе отчет в своих действиях, руководствуясь каким-то подспудным чувством «Вот оно, счастье! Дайте кусочек!!»

Пожалуй, понаблюдав за успехами своих одноклассниками, теперь она готова была согласиться с Веником, что кулинарный талант – это именно врожденные способности, просто раз-

витые чуть больше, чем у подавляющего большинства людей, а не какая-то неизвестная магия, хотя внутренний ребенок вздыхал и мечтал о сказке.

Зато у самой Веры к концу мая образовалась внезапная проблема: куда ей деваться летом? В родном-то Челябинске ее без вопросов оставляли на это время в общежитии, зная о ее домашних условиях, а как будет здесь? Озадаченный ею Веник предложил зайти на сайт МГАПП и внимательно изучить «Положение о студенческом общежитии», где должна содержаться нужная информация. Прочитанное Веру не обрадовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.